

Е. П. Блаватская

Из серии "Nightmare Tales" (Кошмарные рассказы)

Неразгаданная тайна

Кажется, обстоятельства, сопутствовавшие внезапной смерти господина Делессера, инспектора службы безопасности, произвели такое впечатление на парижские власти, что были записаны особенно подробно. Опуская все частности, кроме тех, что необходимы для объяснения сути дела, мы приведём здесь эту несомненно странную историю.

На исходе 1861 года в Париж приехал человек, назвавший себя Вик де Ласса, что и было обозначено в его паспорте. Он прибыл из Вены и говорил, что является венгром, владеет имением на границе Баната, недалеко от Зенты. Это был некрупный мужчина, лет тридцати пяти, с бледным и загадочным лицом, длинными светлыми волосами, отсутствующим, блуждающим взглядом и необычайно жёстким ртом. Одевался он небрежно и не броско, говорил и изъяснялся без особой выразительности. Его спутница, предположительно жена, на десять лет младше его, напротив, была потрясающе красивой женщиной, того тёмного, богатого, бархатистого, ароматного, чисто венгерского типа, столь сильно похожего на цыганскую породу. В театрах, в лесу, в кафе, на бульварах, и везде, где развлекается праздный Париж, Эмэ де Ласса привлекала большое внимание и производила сенсацию.

Они снимали роскошные апартаменты на Рю Ришелье, часто посещали лучшие места, принимали хорошее общество, принимали красиво и во всём держались так, как будто обладали значительным состоянием. Ласса всегда имели хорошее сальдо у Шнайдера, Рюте и Си, австрийских банкиров на Рю Риволи, и носили бриллианты, обращавшие на себя внимание своим блеском.

Как же получилось, что префект полиции счёл возможным подозревать господина и госпожу де Ласса и назначил Поля Делессера, одного из самых ловких инспекторов полиции, "выманить" их? Дело в том, что значительный мужчина с блестящей женой был очень загадочной личностью, а полиция имеет обычай воображать, что за таинственностью всегда скрывается либо заговорщик, либо авантюрист, либо шарлатан. Заключение, к которому пришёл префект относительно господина де Ласса было таково, что тот является авантюристом, а также шарлатаном. Только несомненно удачливым, ибо всегда был исключительно скромным и никогда не трубил о чудесах, совершать которые было его призванием, ведь через несколько недель после того, как он обосновался в Париже, салон господина де Ласса стал предметом всеобщего увлечения, и число людей, плативших 100 франков в качестве гонорара за один-единственный взгляд сквозь магический кристалл и одно-единственное послание по его магическому телеграфу, было поистине поразительным. Секрет тут был в том, что господин де Ласса являлся чародеем и обманщиком, чья претенциозность была всеведущей, а предсказания всегда оказывались верными.

Делессеру не составило труда быть представленным и допущенным в салон де Ласса. Приёмы проводились через день — по два часа утром, по три часа вечером. Был вечер, когда инспектор Делессер прибег к помощи вымышленного персонажа, господина Флабри, знатока драгоценных камней и новообращённого спиритуалиста. Он обнаружил красивые, ярко освещённые кабинеты и очаровательное собрание всем довольных гостей, которые, казалось, пришли вовсе не для того, чтобы узнать свои судьбы, заодно внося свой вклад в доходы хозяина, а скорее из уважения к его достоинствам и дарованиям.

Мадам де Ласса играла на фортепиано или переходила от одной группы гостей к другой в манере, казавшейся восхитительной, тогда как господин де Ласса прохаживался или садился в своей ничего не выражающей, отрешённой манере, время от времени говоря что-нибудь, но, казалось, избегая всего могущего броситься в глаза. Слуги разносили закуски, мороженое, крепкие напитки, вина и т.п., и Делессер легко мог представить себе, что попал на весьма скромную вечеринку, в общем ничем не примечательную, кроме двух существенных обстоятельств, которые быстро заметил его наметанный глаз.

Если хозяина или хозяйки не было в пределах слышимости, гости говорили друг с другом понижая голос, весьма таинственно и смеялись не так много, как обычно в таких случаях. Время от времени очень высокий лакей подходил к гостю и с глубоким поклоном вручал ему карточку на серебряном подносе. Затем гость выходил, следуя за торжественным слугой, но когда он или она возвращались обратно в салон (а некоторые совсем не возвращались), то неизменно имели изумлённый и озадаченный вид, были смущены, удивлены, испуганы или возбуждены. Эти чувства, несомненно, выглядели искренними, и де Ласса и его жена, казалось, настолько не были заняты всем этим, что Делессер не мог не быть поражён и изрядно удивлён.

Двух или трёх маленьких эпизодов, произошедших непосредственно на глазах у Делессера, будет достаточно, чтобы пояснить характер впечатления, производимого на присутствующих. Двое джентльменов, молодых, высокого общественного положения и, повидимому, очень близких друзей, беседовали и частенько "тыкали" друг другу, когда величавый лакей вызвал Альфонса. Они весело рассмеялись.

— Подожди минутку, дорогой Огюст, — сказал он, — и ты узнаешь все подробности его необыкновенного везения!

— Прекрасно!

Не прошло и минуты, как Альфонс возвратился в гостиную. Лицо его было белым и имело выражение неистовой ярости, свидетельствующей о чём-то ужасном. Он прошёл прямо к Огюсту, причём глаза его сверкали и, наклонившись к своему другу, изменившемуся в лице и отпрянувшему, он прошипел:

— Мсье Лефевр, вы подлец!

— Очень хорошо, мсье Менье, — ответил Огюст так же тихо, — завтра утром в шесть часов!

— Решено, мнимый друг, мерзкий предатель!.. Насмерть! — добавил, удалясь, Альфонс.

— Разумеется! — пробормотал Огюст, направляясь в прихожую.

Выдающийся дипломат, представитель соседнего государства в Париже, пожилой господин с большим апломбом и самой внушительной наружностью, был вызван поклонившимся лакеем к оракулу. После пятиминутного отсутствия он вернулся и немедленно направился сквозь толпу гостей к господину де Ласса, стоявшему недалеко от камина, держа руки в карманах, с выражением крайнего безразличия на лице. Делессер, стоявший рядом, наблюдал беседу с жадным интересом.

— Я чрезвычайно сожалею, — сказал генерал фон..., — что вынужден так рано покинуть ваш салон, мсье де Ласса, но результат этого сеанса убеждает меня, что в деле замешаны мои экспедиторы.

— Сожалею, — ответил господин де Ласса с выражением вялого, но вежливого интереса.
— Я надеюсь, вы сможете выяснить, кто из ваших служащих был нечестен.

— Я собираюсь сейчас же заняться этим, — сказал генерал, добавив значительным тоном:
— Я прослежу за тем, чтобы он и его сообщники не избежали сурового наказания.

— Это именно то направление, которому нужно следовать, мсье ле Кант.

Посол внимательно посмотрел на него, раскланялся и отбыл в смущении, которое при всём своём такте не в силах был контролировать.

По ходу вечера мсье де Ласса небрежно подошёл к фортепиано и после безразлично-неопределённого вступления сыграл необыкновенно впечатляющее музыкальное произведение, в котором буйство и жизнерадостность вакхических мелодий мягко, почти незаметно превращалось во всхлипывающее стенание и сожаления, свойственные и усталости, и скуке, и разочарованию. Оно было хорошо исполнено и произвело глубочайшее впечатление на гостей, и одна из дам воскликнула:

— Как прекрасно, как печально! Вы сами сочинили это, мсье Ласса?

Мгновение он смотрел в её сторону отсутствующим взглядом, затем ответил:

— Я? О, нет! Это просто реминисценция, мадам.

— Но вы знаете, кто написал его, мсье де Ласса? — поинтересовался присутствующий музыкант.

— Я думаю, что первоначально оно было написано Птолемеем Аулетом, отцом Клеопатры, — произнёс мсье де Ласса в своей бесстрастной манере, — но не в его теперешнем виде. Насколько я знаю, оно было дважды переписано; однако мелодия в основном та же.

— Позвольте узнать, от кого вы услышали её? — настойчиво расспрашивал джентльмен.

— Конечно, конечно. Последний раз, когда я её слышал, играл Себастьян Бах, но это был вариант Палестрина — теперешний. Мне больше нравится вариант Гвидо из Ареццо — он более резкий, но обладает большей силой. Я слышал мелодию от самого Гвидо.

— Вы — от — Гвидо? — вскричал изумлённый джентльмен.

— Да, мсье, — ответил де Ласса, вставая из-за фортепьяно со своим обычным безразличным выражением лица.

— Боже мой! — воскликнул музыкант, хватаясь рукой за сердце, как это делал м-р Твемлоу. — Боже мой! Это было в 1022 году нашей эры!

— Нет, несколько позже — в июле 1031, если я правильно помню, — вежливо поправил мсье де Ласса.

В этот момент высокий лакей склонился перед мсье Делессером и протянул ему поднос с карточкой. Делессер взял её и прочёл:

— В вашем распоряжении трицать пять секунд.

Делессер последовал за ним; лакей открыл дверь в соседнюю комнату и снова поклонился, давая понять, что Делессеру следует войти.

— Ни о чём не спрашивайте. — сказал он коротко, — С'иди нем.

Делессер вошёл в комнату, и дверь за ним закрылась. Это была маленькая комнатка, с наполняющим её сильным запахом ладана, стены были полностью затянуты красными портьерами, скрывавшими окна, а пол был покрыт толстым ковром. Напротив двери в возвышенной части комнаты почти под потолком находился циферблат больших часов, под ним, освещённые высокими восковыми свечами, стояли два небольших столика, на одном помещался инструмент, весьма походивший на всем знакомый регистрирующий телеграфный аппарат, на другом — хрустальный шар, приблизительно двенадцати дюймов в диаметре, установленный на богато отделанном треножнике из золота и бронзы. Рядом с дверью стоял мужчина, чёрный как смоль, одетый в белый тюрбан и бурнус, в одной руке державший что-то вроде серебряного жезла. Другой рукой он взял Делессера повыше локтя и быстро провёл его в комнату. Он коснулся часов, и они пробили, он дотронулся до хрусталя, Делессер склонился над ним и — увидел изображение своей собственной спальни, воспроизведённое с фотографической точностью. С'иди не дал ему времени на выражения чувств, но, всё ещё держа его за руку, повлёк к другому столу. Телеграфоподобный инструмент начал щёлкать. С'иди открыл выдвижной ящик, вынул оттуда длинную узкую полосу бумаги, вложил её в руку Делессера и коснулся часов, которые пробили вновь. Прошло тридцать пять секунд. С'иди, всё ещё державший Делессера за руку, указал на дверь и повёл его к ней. Дверь открылась, С'иди подтолкнул его наружу, дверь закрылась, рядом с ней, склонившись, стоял высокий лакей — беседа с Оракулом закончилась. Делессер взглянул на бумагу в своей руке. На ней был текст, напечатанный заглавными буквами, и он прочёл: "Мсье Полю Делессеру: полицейскому всегда рады, шпион всегда в опасности!"

Делессер был ошарашен, узнав, что его хитрость была разгадана, но слова высокого лакея:

— Сюда, пожалуйста, мсье Флабри, — привели его в чувство.

Сжав зубы он вернулся в гостиную и сразу нашёл мсье де Ласса.

— Знаете ли вы содержание этого? — спросил он, показывая послание.

— Я знаю всё, мсье Делессер, — ответил де Ласса в своей небрежной манере.

— В таком случае вы, наверное, осведомлены о том, что я собираюсь разоблачить шарлатана, сорвать маску с ханжи или погибнуть в борьбе? — сказал Делессер.

— Мне это безразлично, мсье, — ответил де Ласса.

— Значит, вы принимаете мой вызов?

— О, значит, это вызов? — произнёс де Ласса, на мгновение остановив свой взгляд на Делессере. — Да, конечно, я принимаю!

После этого Делессер удалился.

Теперь он привёл в действие все силы, которыми может воспользоваться префект полиции, чтобы обнаружить и разоблачить этого непревзойдённого чародея, который будет пользоваться самыми грубыми движениями души наших предков, разжигая их. Настойчивое выяснение убедило Делессера в том, что чародей не был венгром и не носил имя де Ласса. Что вне зависимости от того, сколь далеко могут простираться его "реминисценции", в его подлинном и непосредственном виде в этом несовершенном мире он был известен в городе Нюрембурге, где делают игрушки, и с юношеских лет прославился своими выдающимися способностями к изготовлению остроумных вещичек, но был очень диким и несносным человеком.

В шестнадцать лет он бежал в Женеву и поступил в ученье к мастеру по часам и приборам. Здесь его увидел знаменитый фокусник Роберт Хоудин. Хоудин распознал таланты юноши, и будучи сам мастером забавных приспособлений, взял его в Париж и принял в свою собственную мастерскую, а также сделал ассистентом в публичных представлениях своей развлекательной и искусной чертовщины. Пробыв несколько лет у Хоудина, Флок Хазлих (таково было настоящее имя де Ласса) в костюме турецкого паши отправился на Восток и после многолетних странствий в краях, где его путь скрывается облаком псевдонимов, наконец прибыл в Венецию, а оттуда — в Париж.

Затем Делессер обратил своё внимание на мадам де Ласса. Гораздо труднее было найти ключ, которым можно было бы раскрыть её прошлую жизнь, но это было необходимо, чтобы лучше понять Хазлиха. Наконец, благодаря счастливому случаю, он предположил, что мадам Эмэ — то же самое лицо, что и некая мадам Шлаф, бывшая весьма известной в полусвете Буды. Делессер отправил послание в этот древний город, а вскоре отбыл в дебри Трансильвании, в Менгико. По возвращении, едва добравшись до телеграфа и цивилизации, он телеграфировал префекту из Карцага: "Не спускайте глаз с моего человека, не выпускайте его из Парижа. Я арестую его для вас и посажу в тюрьму через два дня после своего возвращения".

Случилось так, что в день приезда Делессера в Париж префект отсутствовал, будучи с императором в Шербуре. Он вернулся на четвёртый день, как раз через двадцать четыре часа после сообщения о смерти Делессера. Насколько известно, произошло это следующим образом. Вечером, после своего возвращения, Делессер был в салоне де Ласса с билетом допуска на сеанс. Он был тщательно загримирован под дряхлого старика и полагал, что никто не сможет его узнать. Тем не менее, когда его пригласили в комнату и он заглянул в кристалл, он был в величайшем потрясении от ужаса при виде себя самого, лежащего вниз лицом и без чувств на тротуаре улицы; а послание, полученное на этот раз, гласило следующее: "То, что ты видел, Делессер, случится в течение трёх дней. Готовься!" Детектив, невыразимо потрясённый, сразу ушёл из этого дома и осмотрел свои комнаты.

Наутро он явился на службу в состоянии крайней подавленности. Он был совершенно лишён присутствия духа. Сообщая коллеге-инспектору о том, что случилось, он сказал: "Этот человек может сделать то, что обещает, я приговорён!"

Он сказал, что считает себя в состоянии полностью доказать свою правоту относительно Хазлиха, он же де Ласса, но не может это сделать, не повидав префекта и не получив предписания. Нет, он ничего не станет рассказывать относительно своих открытий в Буде и Трансильвании, — он просто не волен поступить так, — и снова воскликнул:

— О, если бы только здесь был господин префект!

Ему посоветовали поехать к префекту в Шербур, но он отказался на том основании, что его присутствие необходимо в Париже. То и дело он повторял, что обречён, его поведение было нерешительным и колеблющимся, он был крайне нервозен. Ему говорили, что он в полной безопасности, поскольку де Ласса и все его домочадцы находятся под постоянным наблюдением, на что он отвечал:

— Вы не знаете этого человека.

Для сопровождения Делессера был назначен инспектор, чтобы день и ночь не спускать с него глаз и тщательно оберегать его; были предприняты необходимые предосторожности в связи с его едой и питьём; тогда как наряд, наблюдавший за де Ласса, был удвоен.

На третий день утром Делессер, который большую часть времени находился в помещении, заявил о своём решении немедленно пойти и телеграфировать господину префекту, чтобы тот возвращался немедленно. С этим намерением он и его коллега-офицер вышли из дома. Как только они дошли до угла улицы де Ланери и Бульвара, Делессер внезапно остановился и поднёс руку ко лбу.

— Боже мой! — воскликнул он. — Хрусталь! Картинка! — и упал ничком, потеряв сознание.

Его сразу же отвезли в больницу, но этим лишь на несколько часов отдалили конец, так и не вернув ему сознание. По специальному указанию властей, самое тщательное, подробное и полное вскрытие тела Делессера было проведено несколькими видными хирургами, давшими единодушное заключение, что причиной смерти является апоплексический удар вследствие усталости и нервного возбуждения.

Как только Делессер был отправлен в больницу, его коллега-инспектор поспешил в Центральное Управление, и де Ласса вместе со своей женой и всеми лицами, связанными с его заведением, были немедленно арестованы. Когда его арестовывали, де Ласса презрительно улыбался:

— Я знал, что вы идёте; я приготовился к этому; вы будете счастливы снова освободить меня.

И действительно, де Ласса приготовился к их приходу. Когда дом обыскали, было обнаружено, что все бумаги сожжены, хрустальный шар уничтожен, а в комнате для сеансов возвышалась огромная куча обломков тонкого механизма, разбитого на мельчайшие обломки.

— Вот это стоило мне 200000 франков, — сказал де Ласса, указывая на груды, — но было хорошим капиталовложением.

В стенах и полу в некоторых местах были выбоины, и ущерб собственности был весьма существенный. В тюрьме ни де Ласса, ни его сообщники не раскрыли тайну. Подозрение, что они имели какое-либо отношение к смерти Делессера с юридической точки зрения быстро рассеялось, и все, кроме самого де Ласса, были освобождены. Его самого то под одним, то под другим предлогом удерживали в тюрьме, пока однажды утром он не был обнаружен висящим на шёлковом поясе на карнизе комнаты, в которой был заключён, — мёртвым. Как выяснилось позднее, предшествующей этому событию ночью мадам де Ласса исчезла вместе с высоким лакеем, захватив с собой нубийца С'иди.

Тайна де Ласса умерла вместе с ним.
